

Дни новой жизни.

— «Изъ тѣхъ ли ты, кто дѣйствительно имѣть право отвергнуть ярмо? Есть люди, которые отбрасываютъ свою послѣднюю цѣнность, отбросивъ покорность свою». — «Такъ говорилъ Заратустра», Ницше.

— «Необходимо вызвать въ народѣ сознание, что армія—лучшая часть, цвѣтъ его собственного организма». — М. Каминскій, «О престижѣ арміи» (Р. И.).

На театральной сценѣ одного изъ красивыхъ дачныхъ уголковъ Петрограда, въ бенефисъ премьерши этого театра идетъ такъ много на шумѣвшая въ свое время драма Л. Андреева «Дни нашей жизни». Среди обычной дачной публики много дѣтей младшаго, а еще болѣе дѣтей старшаго возраста. Такъ сказали бы мы раньше, въ то сравнительно недалекое, но доброе старое время, когда жизнь человѣка строго опредѣлялась періодами его физическаго, а съ нимъ и духовнаго роста, и дѣтство естественно переходило въ отрочество. Увы, въ «дни нашей жизни», въ печальные дни прогрессивнаго паралича общественной нравственности, погибло отрочество, погибла

чистая юность, а съ нею—свѣтлая пора чистаго служенія высокимъ идеаламъ, стремленія въ заоблачныя выси человѣческаго духа. И наши дѣти ужасно быстро стали старѣть! Да, тамъ было много молодыхъ, но «подающихъ большія надежды» старичковъ съ печатью злого духа на юныхъ, увы, уже тронутыхъ житейскою грязью лицахъ, и молодыхъ старушекъ въ коротенькихъ платыцахъ и съ громоздкими кокетливыми прическами волосъ. Они съ жадностью впитывали въ себя отвратительныя испаренія всей той грязи, что собралъ на задворкахъ жизни модный драматургъ и съ присущей ему въ этомъ жестокой талантливостью вывалилъ ее на бѣдную русскую сцену. И я съ ужасомъ наблюдалъ, какъ ядъ этихъ испареній проникалъ въ юныя души, неся съ собою разрушеніе и гибель. Лица однихъ, болѣе юныхъ зрителей выражали напряженное упоеніе сценами ихъ вѣроятной будущей жизни, а пока жизни ихъ старшихъ товарищей, а эти послѣдніе гордо закидывали свои бѣдныя головы, ибо въ герояхъ пьесы видѣли свое отраженіе и потому чувствовали себя тоже «героями».

Рыданія жалкой героини драмы Оль-Оль (Ольги) въ заключительной тяжелой сценѣ ея были заглушены восторженнымъ ревомъ и громомъ апплодисментовъ чуткихъ зрителей...

Мнѣ стало душно и я почти выбѣжалъ въ садъ, чтобы поскорѣй очнуться отъ этого кошмара.

Старыя гиганты, деревья мрачно сплотились своими могучими вершинами, словно хотѣли защитить небо отъ гнойныхъ испареній растлѣвающегося человѣческаго духа. Вотъ заигралъ оркестръ, и мелодичныя звуки полной торжественной грусти музыкальной картины «Въ монастырѣ», перемѣшиваясь съ колокольнымъ звономъ, широкой волной полились подъ темной листвою деревьевъ. И въ этихъ звукахъ мнѣ чудилась погребальная месса по безвременно угасшей человѣческой душѣ былой, ушедшей въ Лету, поры жизни. Душѣ—хранительницѣ святого огня прекрасныхъ идеаловъ и страстнаго стремленія въ Сіонскія высоты божественнаго Начала. И безотрадныя думы зароились въ моей головѣ...

— Разбившись о твердыню русской государственности, творцы «великой русской революціи» направили своихъ бойцовъ въ сторону наименьшаго сопротивленія—духовнаго уклада общественной жизни Россіи.

И вотъ взбунтовавшіеся духовные санкюлоты, обыватели за- дворковъ челоуѣчества, пошли ожесточенной войной противъ «бо- говъ сытой буржуазіи», и, *horribile dictu*, почти безъ сопротивленія одержали побѣду. «Хамъ» восторжествовалъ и на своемъ побѣд- номъ знамени начерталъ циничное «обнажимся!» И самообнаженіе стало моднымъ. И чѣмъ циничнѣе оно, тѣмъ больше въ немъ было санкюлотской гордости...

Жрецы обнищавшаго въ эпоху этой духовной смуты искусства съ постыдной раболѣпностью пошли въ услуженіе къ печальнымъ героямъ новаго времени и, поставивъ девизомъ своего жалкаго творчества тоже «обнаженность», стали искать источниковъ своего вдохновенія въ ретиредахъ челоуѣческой жизни. Это было названо «чистымъ», здоровымъ натурализмомъ въ искусствѣ, исканьемъ не- прикрашенной жизненной правды, жизни—«какъ она есть». По- громъ духовной жизни русскаго общества разростался!

Старые боги «буржуазіи»—живые и страстные идеалы правды, добра, любви, челоуѣческаго развитія и совершенствованія повер- гались во прахъ, ихъ храмы разрушались и на мѣстѣ послѣднихъ возводились капища идоламъ новаго культа «обнаженной Сво- боды!» Но для полноты торжества побѣдителей этого было мало! Имъ нужно надругаться надъ «богами дряхлаго міра», и вотъ раздался неистовый кровожадный ревъ бунтующей черни: «*pollice verso!*»¹⁾ И наступило какое-то ожесточенное, доходящее до сладострастія глумленіе надъ поверженной святыней...

Взобравшись на запятки триумфальной колесницы побѣдителей, угодливый жрецъ новыхъ кумировъ Л. Андреевъ съ готовностью преданнаго раба спѣшить исполнить волю своихъ господъ и бросить свой камень въ людей «дряхлаго міра».

— И вотъ, забывъ свои же гражданскія муки, не такъ давно пе- режитыя имъ надъ святыми страданіями героевъ «Краснаго смѣха», онъ рѣшилъ облить грязью ту же среду, изъ которой вышли эти герои. При явномъ и абсолютномъ незнаніи военной среды онъ рѣ- шается на это въ полной увѣренности, что чѣмъ отвратительнѣе бу- деть эта грязь, тѣмъ большій восторгъ вызоветъ она у его чуткой ауди-

1) «Добей его!» (собствен.—«добей поверженнаго»)—обычный крикъ римской толпы, если она хотѣла, чтобы гладиаторъ-побѣдитель добилъ побѣжденнаго пмъ въ единоборствѣ своего противника. Это восклицаніе, сопровождаемое особымъ жестомъ: большой палецъ сжатой въ кулакъ и вытянутой впередъ правой руки опускался ног- темъ внизъ.

торіи. И къ этой цѣли онъ пошелъ прямо своей пьесой «Дни нашей жизни»... и ея достигъ.

Въ самомъ дѣлѣ, охватите мыслью нравственный обликъ каждаго изъ персонажей этого великолѣпнаго произведенія талантливаго драматурга и вы должны будете раздѣлить всѣхъ ихъ на двѣ рѣзко отграниченныхъ авторомъ группы.

Герой пьесы—студентъ Глуховцевъ, которому «какъ-то и въ голову не пришло», что его возлюбленная—не дѣвушка (до какой степени нравственнаго опрощенія надо дойти, чтобы *не замѣтить*, что вступилъ въ весьма недвусмысленную связь съ любимой женщиной), который, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ нея за то, что рабски послушная своей ужасной матери, она пошла продавать себя новому покупателю, потомъ идетъ къ ней и пьетъ купленное ея же позоромъ вино.

Онуфрій—этотъ философъ—стопкъ монопольнаго толка, мысль и душевныя эмоціи котораго не выходятъ изъ заколдованнаго круга, замкнутаго двумя магическими для него словами: «налей—кувырнемъ».

И всѣ эти Мишки, Физики, Блохины и проч. лишь дополняютъ собой эту грустную галерею типовъ нашей современной «учащейся» (чему?!) молодежи.

Въ этомъ гнойникѣ, какъ черви, копошатся эти жалкіе человѣческіе побѣги съ ихъ куцыми, напоенными алкоголемъ мыслями, стремленіями, съ ихъ пьяными страданіями. На протяженіи всей пьесы не блеснетъ ни одной интересной, живой, свѣжей мысли, красиваго чувства, и кажется, что передъ зрителемъ проходитъ жизнь апашей. И все же... это милые сердцу автора персонажи и, сознавая, что они не блещутъ нравственной красотой, онъ любовно и заботливо прикрашиваетъ всѣ тѣ черты въ нихъ, что иному отсталому чудаку могутъ показаться язвами разврата, тупеядства и пьянства. И вотъ въ первомъ актѣ (пикникъ на Воробьевыхъ горахъ) онъ бросаетъ красочный мазокъ въ видѣ загорѣвагося между молодежью спора о Ницше и въ уста героя пьесы Глуховцева имъ вложена пылкая фраза о томъ, что «великій, гениальный Ницше—это святой безумецъ, который всю свою жизнь горѣлъ въ огнѣ глубочайшихъ страданій, мысль котораго вжигалась въ самую сердцевину мѣщанства». Это—свидѣтельство возвышенныхъ духовныхъ интересовъ героя пьесы и его товарищей-студентовъ.

Даже въ отвратительной сценѣ пиршества въ послѣднемъ актѣ, когда тотъ же Глуховцевъ въ присутствіи новаго покупателя его возлюбленной «сгораеть въ огнѣ» винъ, купленныхъ цѣною ея тѣла, онъ возбуждетъ лишь жалость, но не негодованіе!—Таковы любимыя дѣтница автора. Они—фонъ пьесы, на которомъ выведены и пригвождены къ позорному столбу его пасынки—другая группа типовъ, и конечно, глубоко отрицательныхъ.

«Мамаша» несчастной, жалкой героини Оль-Оль. Что, кромѣ чувства глубочайшей гадливости, можетъ вызвать эта мать, продавшая свою дочь еще институткой-ребенкомъ и продающая ее теперь въ розницу всѣмъ покупателямъ съ улицы!? А потребители этого живого товара—докторъ «полковникъ» фонъ-Ранкенъ и подпоручикъ Мироновъ!?

«Врачъ, очень извѣстный въ широкихъ кругахъ публики»,—какъ рекомендуетъ себя первый,—«отецъ двухъ взрослых дочерей-невѣстъ», онъ втихомолку предается гаденькому разврату. И вотъ, наконецъ, подпоручикъ Мироновъ, пріѣхавшій, по его словамъ, въ столицу «изъ глуши провинціи, изъ дебрей невѣжества съ жаждой просвѣщенія, общества и свѣта» и ищущій ихъ въ кафешантанахъ столицы. Жалкое моральное и умственное убожество, наряженное въ офицерскій мундиръ!

Все это, какъ будто, люди изъ самой гущи жизни, но... Ко всѣмъ этимъ тремъ персонажамъ авторомъ явно намѣренно прицѣпленъ ярлыкъ «военный», und da ist der Hund begraben!... «Мамаша»—вдова *военнаго*, живущая на пенсію въ 8 рублей въ мѣсяцъ. Фонъ-Ранкенъ—отставной *военный* врачъ, притомъ сослуживецъ по полку отца несчастной Ольги, которую онъ теперь покупаетъ у ея матери. Подпоручикъ Мироновъ и всѣ анонимы, проходящіе въ пьесѣ, какъ покупатели Ольги,—*офицеры*. Правда, Мироновъ, по его признанію,—студентъ по натурѣ и офицеръ «по роковому недоразумѣнію, жестокая игрушка загадочной судьбы».

— «Ахъ, господа студенты, я такъ безумно счастливъ, что встрѣтилъ васъ. Вы не можете представить до чего я стосковался о хорошемъ разговорѣ», говоритъ онъ.—«Вотъ скажите мнѣ, коллега, предложу я вамъ одинъ очень важный вопросъ для существованія человѣка: есть Богъ или нѣтъ? У насъ въ полку говорятъ...»

— «Коллега, пой! Вѣдь я этой минуты, можетъ, двадцать лѣтъ ждалъ! Студенческія пѣсни, Господи Боже мой, да вѣдь никто не повѣритъ, какъ рассказывать начну. Окажи честь, смилуйся, коллега». — «А кто это Заратустра?»

— Вотъ на выдержку слова, вложенныя авторомъ въ уста Миронова. Слова, говорящія о до смѣшного невысокомъ уровнѣ мыслей не только самого его, но цѣлой среды, представителемъ которой онъ выведенъ здѣсь; о ея полномъ умственномъ и моральномъ рахитизмѣ и безпросвѣтной грубости ея нравовъ! И на протяжении всей пьесы слово «офицеръ» произносится не иначе, какъ съ презрѣніемъ и старательно вываливается въ грязи ея авторомъ. А въ отвратительной сценѣ ссоры пьяныхъ гостей Ольги Николаевны, когда вступившійся за оскорбленную женщину Мироновъ хочетъ стрѣлять въ ея оскорбителя—студента Глуховцева, а Онуфрій, обхвативъ подпоручика сзади, валить его на полъ и обезоруживаетъ,—здѣсь чувствуется уже претензія автора на нѣкоторую символику. Здѣсь онъ ясно подчеркиваетъ ту мысль, что превосходство интеллигентной среды, представителями коей являются гг. студенты, надъ грубой военной средой—не только умственное, но и физическое, какъ силы разумной и культурной!

Конечно, можно съ увѣренностью сказать, что почтенный авторъ никогда и нигдѣ не видѣлъ такихъ офицеровъ, какъ его подпоручикъ Мироновъ, и сочиненный имъ типъ является, въ сущности, лишь некрасивымъ пасквилемъ на молодыхъ представителей нашей офицерской среды, но объясненіе всему этому крайне простое и выражается всего двумя словами: *такъ надо*.

«Pollice verso!» реветъ бушующая чернь. Л. Андреевъ слышитъ этотъ ревъ, онъ видитъ сопровождающіе это «pollice» убійственные жесты ея и онъ спѣшитъ исполнить ея требованіе. Онъ долженъ, онъ не можетъ не исполнить его, потому что девизомъ его творчества всегда было не «къ свѣту и истинѣ», а скромное и угодливое—«чего изволите»!

И вотъ подъ звуки застольной пѣсни «Быстры, какъ волны, дни нашей жизни»,—этого теперь гимна нашей учащейся молодежи, гимна, проникнутаго пьянымъ пессимизмомъ,—подъ звонъ бокаловъ онъ разворачиваетъ передъ зрителемъ драму молодой души Глуховцева, тонущей въ отвратительной житейской грязи, и говоритъ: «смотрите—вотъ что такое военная среда, отъ одного соприкосновенія съ которой страдаетъ и гибнетъ наша бѣдная безвольная, но, по существу, хорошая молодежь!»—Онъ исполнилъ требованіе толпы. И онъ лягнулъ. *Fecit, quod potuit...*

. . . . .

— Прошли года. Взбаломученное пронесшимся ураганомъ море общественной жизни утихло. Вознесенные со дна на его поверхность порывомъ вихря отбросы опять опустились на дно, накипь разошлась и лишь жалкими осколками печальнаго былого носятся вотъ теперь по этому морю такіе памятники пронесшейся бури, какъ драма «Дни нашей жизни». Но, насыщенные духомъ злобы, они все же продолжаютъ творить свое злое дѣло...

— Кипучая творческая работа, направленная къ возсозданію разрушенныхъ въ минувшее лихолѣтьѣ устоевъ общественной жизни и обновленію формъ ея, захватила всѣ интеллигентные слои общества.

Въ числѣ вновь открытыхъ въ ту пору цѣнностей одно изъ видныхъ мѣстъ заняло *здоровое тѣло*. Вспомнилась весьма древняя, но хорошо позабытая истина: *in corpore sano—mens sana*, и культура тѣла, какъ источника «здороваго духа», приобрѣла право почетнаго гражданства.

Это было весьма благоприятной почвой для воскрешенія отъ слишкомъ долгаго забвенія къ жизни другой такой же древней идеи—милитаризаціи народа. Осѣненные государственной мудростью умы, провидя всю ту огромную государственную пользу, которая должна явиться обязательнымъ результатомъ милитаризаціи народныхъ массъ, какъ могущественнаго фактора въ дѣлѣ приданія арміи существа грозной духовной силы, стали работать надъ проведеніемъ ея въ жизнь. И вотъ Россія покрылась огромной сѣтью потѣшныхъ организацій. Въ нихъ стали выковывать здоровый духъ будущихъ гражданъ-воиновъ, нравственную дисциплину, сознание долга каждаго гражданина къ своей родинѣ и уваженіе къ арміи, къ ея высокимъ задачамъ и назначенію ея. Въ этихъ народныхъ военныхъ школахъ работаютъ теперь тысячи преданныхъ этому высокому дѣлу людей и... вотъ здѣсь же рядомъ, на сценѣ *русскаго* театра,—этой школы жизни, какъ мы привыкли считать его,—«съ дозволенія начальства» обливается грязью та же армія въ лицѣ офицеровъ ея! И въ этомъ, какъ во многомъ въ нашей русской жизни, сказалась все та же роковая неурядица, которая, какъ червь подтачиваетъ нашу государственность отъ самыхъ первыхъ дней зарожденія ея—съ знаменательной эпохи призванія варяговъ—и такъ характерна для русскаго государственнаго строительства!

Мнѣ вспомнилась другая, юная страна, въ которой наряду съ насажденіемъ благъ современной европейской культуры въ народѣ насаждаются... высокіе рыцарскіе идеалы древнихъ саму-

раевъ, и къ этому подходить такъ глубоко просто и такъ трогательно задушевно: первая игрушка, которую даютъ въ руки ребенка, это—національный флагъ страны «Восходящаго солнца» и первое слово, которому учать ребенка, это—«банзай», побѣдный народный кличь!...

Вотъ путеводныя звѣзды, за которыми гражданинъ долженъ идти по своему жизненному пути! И, конечно, создавшійся тамъ, въ Японіи, культъ арміи составляетъ поэтому естественную часть того гармоничнаго цѣлага, какимъ является японская государственность.

И, клянусь Небомъ, воспитанный въ чувствѣ уваженія къ арміи, составляющей плоть отъ плоти и кровь отъ крови своего народа, японецъ не допуститъ публичнаго глумленія надъ ея представителями!

А мы? Увы, вѣрные преданьямъ старины глубокой, мы всегда строили и строимъ нашу государственную жизнь подъ знакомъ трехъ китовъ—держателей земли русской: *авось, небось да какъ-нибудь!*...

Н. Митковъ.

